

литературное

НОВОЕ

обозрение

№5(1993)

ANECDOTICA

Д. И. Хвостов

ЗАМЕТКИ 1834 ГОДА

*...Геликону посвятя
И мой преклонный век и младость,
Улыбку муз приемлю в радость
И ею тешусь как дитя.*

Д. И. Хвостов

«Я смотрю с умилением на Графа Хвостова <...> за его постоянную любовь к стихотворству <...>, ни мало не охлаждаемую преклонными годами. Это редко, а потому драгоценно в моих глазах. Смейся, если угодно: я уважаю Хвостова <...>; он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу, услышу, что Граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: «вот любовь, достойная таланта!» Он заслуживает иметь его, если и не имеет»¹.

Проницательный и снисходительный к чужим слабостям Карамзин был одним из немногих, кто понял и по достоинству оценил Хвостова. В этих словах есть улыбка, но нет глумления, жертвой которого постоянно становился граф. Его публичные признания в любви к поэзии (например, ставшая знаменитой строка из «Послания к И. И. Дмитриеву», 1803: «Люблю писать стихи и отдавать в печать») служили поводом для все новых насмешек или просто раздражали окружающих. Репутация графомана, во многом навязанная Хвостову в результате литературной полемики 1800-х годов², вычеркивала его из числа тех, чьи суждения о словесности стоило слушать и принимать всерьез. Обычно от стихов и теоретических рассуждений Хвостова более или менее вежливо отмахивались, не читая их, или с разочарованием откладывали в сторону, если в них не оказывалось требуемой «хвостоватости», то есть нелепости. Тот, кто осмеливался не шутя хвалить таланты графа³, обязательно упоминал о его трудолюбии, плодовитости и давней включенности в литературную жизнь («старейший член нашего Парнаса», «маститый поэт», «патриарх»). Однако эти голоса казались (а чаще всего и были) лестью: проявив внимание к трудам Хвостова, упомянув одобрительно о его стихах, можно было рассчитывать на его помощь и протекцию, которые он охотно оказывал нуждающимся, в особенности литераторам. Чувство «цеховой» принадлежности и доброжелательность к начинающим были развиты в нем очень сильно.

Усердно занимаясь служебными делами и продвигаясь по лестнице чинов и званий, Хвостов внешне следовал старой модели: «поэзия —

занятие в свободные часы». На самом же деле словесность и все, с нею связанное, была для него центром и смыслом жизни, а не досугом или увлечением.

Он постоянно подчеркивал свою бескорыстную любовь к поэзии и равнодушие к известности, успехам: «Автор пишет <...> по своим чувствам для удовольствия, не мечтая ни мало о Парнасских чинах и отличиях»⁴. В действительности Хвостов был ревнив к чужой славе, но собственное творчество не отнимало у него интереса ко всем событиям в литературном мире, какого бы масштаба они ни были.

Естественно поэтому его собирательство (оно могло отчасти диктоваться инстинктивной любовью к «орудиям труда» — бумаге и чернилам). Он бережно хранил оригиналы и копии писем, своих и чужих, рукописные и печатные стихотворения, время от времени пересматривал их и снабжал примечаниями, смотря на все это как на материал для истории словесности. В этом же ряду стоит его работа над биобиблиографическим словарем русских писателей, помощь митрополиту Евгению и публикация в журнале «Друг Просвещения» части его труда. Желанием запечатлеть и сохранить мгновение, выхваченное из потока времени, продиктованы комментарии, которыми обрастали стихи Хвостова с каждым новым полным изданием⁵. Он признавался, что «не желает утаить от современников ни одного из произведений своих и также понятий, чувств и обстоятельств, которые внушали ему стихи во время долговременной жизни» (7, 258).

Записи 1834 г., названные «анекдотами» и пронумерованные, скорее напоминают отрывки из дневника или записной книжки. Это сближает их с текстами, которые опубликовал в 1938 г. А. В. Западов (рукопись «Записок о словесности» в архиве Хвостова входит в том под названием «Анекдоты о Державине, Хвостове, Беседе и других»; здесь «анекдот» — просто интересный случай). Хвостов содержал свой архив в порядке: практически каждый том предварен реестром заключенных в нем бумаг, все материалы имеют порядковый номер.

В заметках 1834 г. перемешаны новости литературные и светские; сегодняшние, «мимо текущие» (термин самого Хвостова) впечатления соседствуют с событиями, всплывающими в памяти старого стихотворца. И все имеет равную ценность кусочка мозаики, который попадает на положенное место и дополняет собой всю картину.

Текст печатается по рукописи ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 322 (Хвостова). № 2 («Продолжение рукописной тетради Анекдотов»). На листах большого формата, сшитых в тетрадь и заполненных разными писарскими почерками (несколько строк — рукой самого Хвостова), находятся заметки №№ 401—450, из которых здесь приводятся 14. Две записи об Аракчееве (лл. 2 — 2 об. и 16 об — 17 об) объединены нами в одну. Несколько анекдотов (о Суворове и Екатерине II), по форме близких к публикуемым ниже, Хвостов поместил в «Библиотеке для чтения» в 1834 г. (Т. 3. Отд. 1. С. 211—213 и Т. 5. Отд. 1. С. 204—205); на л. 11 об. он упоминает о визите к нему Сенковского по поводу печатания этих анекдотов. Записанный им «ответ зрителя» о трагедии Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» приведен в книге В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона «Сквозь умственные плотности». М., 1986. С. 60.

1 Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб, 1866. С. 379 (письмо от 20 сентября 1824 г.).

2 Вацура В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века. — XVIII век. Сб. 16. Л., 1989. С. 178.

- 3 Издевательские панегирики, составленные в «надутно-похвальных» (отзыв самого Хвостова) выражениях, появлялись часто. Самый известный случай — речь Д. В. Дашкова (о ней см.: *Тихонравов Н. С.* Д. В. Дашков и граф Д. И. Хвостов в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. — Русская старина. 1884. № 7). Еще один пример такой манеры находим в обзоре А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823): «Граф Хвостов, трудолюбивый стихотворец наш, писал в различных родах, и в нем нередко встречаются новые мысли. Одами своими заслужил он недвусмысленную славу, и публика уже оценила все пиитические его произведения». — Декабристы. Эстетика и критика. М., 1991. С. 90. Пафосом же сочувствия Хвостову отмечена недавняя публикация Т. Ф. Нешумовой «Письма Д. И. Хвостова к М. П. Погдину». — Лица: Биографический альманах. 2. М.; СПб., 1993.
- 4 Полное собрание стихотворений графа Хвостова. 3-е изд. Т. 7. СПб., 1834. С. 258. Далее все ссылки на это издание даются в скобках с указанием тома и страницы.
- 5 В своем стремлении Хвостов не был одинок. Достаточно вспомнить записные книжки Вяземского, «Исторические анекдоты» Пушкина и его же дневники 1833—1834 гг., где речь часто заходит о тех же событиях, что и в «анекдотах» Хвостова.

СЛОВЦО ЕКАТЕРИНЫ II ОБ ОБАКУЛОВЕ

Екатерина II-я в приватном разговоре, выпущенным словцом умела иногда наказывать, не прибегая к судебному или полицейскому порядку царствовать. Вот случай, который докажет Ее глубокое знание в искусстве править. Умерший вскоре по смерти Царицы московский житель Матвей Гурьевич Обакулов¹ разжился карточной игрою. Двору был мало известен и следовательно не имел никакого доступа к лицу Екатерины II, но слава его гремела. В прочем он человек был образованный и много начитанный. Около 1790 года он случился в Петербурге, играл в карты в *Макао*, которая игра была у всех в большой моде; не было дома, где бы в нее не играли с различием на ставку большой или малой казны, метали костями, а чтобы избавиться несносного ушам стука, иногда картами. Число 9 решало судьбу целой ставки: кинувший сие число брал оную безусловно. Обакулов в городе метал сряду иногда по десятку раз роковое число 9. Случилось однажды Императрице на вечеринке, что играли в Макао. Меценат Ломоносова и Российской Словесности, обер-камергер Шувалов² кинул картами сряду до девяти раз 9. Императрица, как будто спроста, сказала: «Это по-Обакуловски!» Какое из сего последствие! Записной игрок Обакулов был тогда в Петербурге и обыгрывал, кого хотел, в Макао. Все дивились его счастью, а недоверчивые думали, что он поправлял оное искусством. На другой день после вечера, когда Царицею произнесено было замысловатое словцо, узнали, что Обакулова нет уже в городе. Не подумайте, чтобы его схватили или правительство его выслало; — нет! — сам игрок, услышав о словце Северной Минервы, испугался своей славы и уехал восвояси. Если Обакулов не чисто играл и метал 9 по хитрости, ему одному известной, то одно словцо предостерегло, может быть, бесчисленные его жертвы. Смотр<и> Комедию: «Семья, расстроенная осторожкою и подозрениями», где Маков играет большое лицо — Державин про эту комедию написал:

И самое недоуменье
Ей поднесло венец³.

1 На полях две приписки: 1) «Сей Анекдот 10 Маия 1834 года доставлен г. Смирдину для напечатания в журнале Библиотека для чтения. Сия статья к удивлению моему не пропущена Цензурою. Боюсь по милости переписчиков не смешали ли Цензоры вымышленную фамилию игрока Обакулова с фамилиею Сенатора *Абакумова* и приняв за личность запретили статью»; 2) «Настоящее название игрока в сем анекдоте Окулов». Возможно, имеется в виду Окулов Матвей Герасимович (1734—1819), бывший в чине премьер-майора в 1791—1794 гг. дворянским депутатом от Богородского округа Московской губернии. Абакумов Андрей Иванович (1772—1841) — сенатор с 1826 г.

- 2 Шувалов Иван Иванович (1727—1797) — первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.
- 3 Точнее: «Расстроенная семья осторожками и подозрениями» — пятиактная комедия Екатерины II, впервые представленная 29 декабря 1787 г. Скорее всего, Маков — это искаженное Макаов (фамилия игрока — одного из персонажей комедии). В послании самого Хвостова «Творцу Комедии: Семья расстроенная осторожкою или подозрениями» (1788) читаем: «Замысловатое, игривое остро//Нам жадность Макова представило перо» (3, 23). Цитируемые строки Державина — слегка измененное двустишие из оды «Изображение Фелицы» (1789): «И самое Недоуменье//Ей плесков поднесло б венец» — относятся к другой пьесе императрицы, комедии «Недоразумения», премьера которой состоялась 9 сентября 1789 г.

О МИЛЛИОНЕ ГРАФА АРАКЧЕЕВА ЗА СОЧИНЕНИЕ
ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ ИСТОРИИ АЛЕКСАНДРА I

Генерал от Артиллерии покойный Граф Аракчеев положил в 1833 году сумму 50 тыс<яч> рублей ассигнациями¹, из приращения процентами на 100 лет сумма сия составит 1925 года не менее полутора миллиона ассигнациями, кои завещатель назначает в пользу русского Автора, который чрез 100 лет сочинит лучшую историю покойного Императора Александра I-го, его благотворителя. Таковое покровительство словесности, хотя ожидание долговременно, но похвально. Акт сего вклада, до 1 1/2 милли<она> рублей простирающегося, облечен во все приказные формы, утвержден Царствующим Императором и Министром Народного Просвещения², опубликован на всех Европейских языках и напечатан в Северной Пчеле Мая 10 дня <1834>. Многие недовольные духом, распоряжением и деяниями Графа Аракчеева толкуют, что любимец Александра не расчетливо поступил, обещая неслыханную награду за Историю, в которой верно все пакости каверзной его души открыты будут. Как же с этим быть? Честолюбие увлекло Министра. Он Герострат — хочет, чтобы имя его гремело без разбора с хорошей или дурной стороны.

<...> награда велика, каковой не имели в виду древние Историки Дионисий Галикарнасский, Квинт Курций, Плутарх и Тацит³; мы видим, что Истории их превосходны и доселе не потеряли своей цены. Без сомнения помещик села Грузина⁴ надеется, что Историк победоносного и мудрого Царя нашего превзойдет их. <...> Сам завещатель миллиона никогда не услышит той истины, которой он свидетель был, сопутствуя Царю неотступно в походах Александра Русского 1812, 1813 и 1814 годов. Историк его выпишет из записок Адмирала Шишкова образцовое и единственное место, а именно: совет под видом доклада не отправляться на войну, поднесенный тремя лицами. Но сей доклад будет ли сопровождаться в будущей Истории при чувствах Истины, чувством опасения и любви⁵.

- 1 Эту сумму Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834) внес в Государственный Земный банк.
- 2 Министром народного просвещения с марта 1833 г. был С. С. Уваров (1786—1855).
- 3 Дионисий Галикарнасский — древнегреческий историк и ритор 2-ой половины I в. до н.э., автор «Римских древностей»; Квинт Курций Руф — римский историк I в., написавший «Историю Александра Македонского»; самый известный труд греческого историка и писателя Плутарха (ок. 45 — ок. 127) — «Сравнительные жизнеописания»; римский историк Тацит (ок. 58 — ок. 117) оставил «Анналы» и «Историю» Рима и Империи.
- 4 Пожалованное Аракчееву Павлом I село Грузино в Новгородской губернии и особый уклад жизни там были для многих знаком безграничной власти Аракчеева. Потеряв после смерти Александра I все влияние, он почти безвыездно жил в Грузине и казался современникам опальным государем, запершимся в своих владениях.
- 5 Имеется в виду эпизод из истории войны 1812 г.: в Дрисском лагере Шишков написал Александру I письмо с просьбой оставить действующую армию и вернуть-

ся в Петербург. А. Д. Балашов и Аракчеев, составлявшие вместе с Шишковым «Комитет для отправления государственных дел», подписали это обращение, и Аракчеев вручил его императору. В «Кратких записках» Шишкова (в 1831—1834 гг. они издавались трижды) нет слов Аракчеева, сохраненных Е. Ф. Комаровским: «Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь при армии» (Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 194). Шишков настаивал на отъезде как из соображений личной безопасности государя, так и для того, чтобы его присутствие не сковывало действий командования; Аракчеев же подчеркивал свои чувства к императору, демонстративно отодвигая судьбу армии и страны на второй план. Комаровский считал, что «душа и чувства графа Аракчеева, совершенного царедворца, были чужды любви к отечеству», некоторым же такая преданность казалась искренней. Слова Аракчеева так же трудно истолковать однозначно, как и передать атмосферу прошлого (и современникам событий, и потомкам — каково бы ни было вознаграждение), — вот чем, по-видимому, вызвана эта фраза Хвостова.

О СМЕРТИ АННЫ АЛЕКСЕЕВНЫ ВОЛКОВОЙ

Девушка Анна Алексеевна Волкова скончалась в С<анкт>-П<етер>бурге на Фурштатской улице в доме постоянного ее покровителя Александра Семеновича Шишкова¹ 25 мая 1834 года на 68 году от рождения. Она была почтенный член Державинской беседы² и составила себе капитал до 40 тысяч рублей чрез продажу перстней, фермуаров и серег, которые в разные времена разными Императорами и Императрицами жалованы ей были в награду за подносимые стихи³. Также и за выручку от продажи разных ее сочинений, которые Александр Семенович Шишков на свой счет напечатал и барыш за оные до 6-ти тысяч рублей отдал покойной Волковой⁴. Она чрез него же имела счастье быть представлена Государю Императору Павлу I во внутренних комнатах один на один, беседовала с ним около четверти часа и наконец испросила милость слепому своему родителю Алексею Степановичу Волкову. Волкова была современница Буниной⁵, и хотя стихи ее не имеют огня и порыва Неопытной Музы, но они всегда плавны, чисты, нередко замысловаты и приятны. Ее сочинение «Беседа слепого старца»⁶ многим знатокам нравится. См<отри> ее жизнеописание в «Дамском журнале» кн. Шаликова⁷, при котором приложен и портрет ее. При свидании с Павлом I-м она испросила пансион покойному отцу 1000 руб., который и поныне продолжается по смерти родителя, родительницы и самой Анны Алексеевны в пользу ее сестрицы Веры Алексеевны⁸.

- 1 Небольшой двухэтажный дом Шишкова на Фурштатской улице (№ 563 Литейной части) находился напротив лютеранской церкви св. Анны.
- 2 Волкова была избрана почетным членом «Беседы любителей русского слова» незадолго до дня первого публичного чтения, состоявшегося 14 марта 1811 г.
- 3 Насмешка над алчностью Волковой, сквозящая в этих словах, находит подтверждение в ее письме к Шишкову (июнь 1827), где она выражает свое неудовольствие по поводу того, что бриллиантовый фермуар был пожалован не ей одной, «как сочинительнице поднесенных <...> стихов», а всему ее семейству (Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Т. 2. Берлин, 1870. С. 432). Сам Хвостов не только не «составил капитала» таким образом, но, по словам Пушкина, «прожился» на стихах.
- 4 Шишков написал предисловие к сборнику «Стихотворения девицы Волковой» (СПб., 1807), изданному им по подписке; А. С. Волков (ум. 1806) назван там «статским советником, служившим около тридцати лет с похвалою при разных посольствах».
- 5 Бунина Анна Петровна (1774—1829) — поэтесса и переводчица. Успех ее первого сборника «Неопытная Муза» (СПб., 1809—1812. Ч. 1—2) определил дальнейшую литературную репутацию поэтессы, а название его часто применялось современниками к ней самой. Сравнение дарований Буниной и Волковой часто встречается в критике 1810—1820-х гг.
- 6 Автобиографические стихи Волковой «Утренняя беседа слепого старца с своею дочерью» вышли в Петербурге в 1824 г.

- 7 Имеется в виду заметка кн. П. И. Шаликова «О стихотворениях девицы Волковой» (Дамский журнал. 1827. № 19), возможно, вызванная очередным Высочайшим подарком Волковой (см. примеч. 3). Биографических данных там приведено немного; интересно, что Шишков назван «благодетелем Сочинительницы, заступившим место отца ее». Мать Волковой в 1826 г. жила у него в доме (Записки, мнения... Т. 2. С. 431).
- 8 Эти сведения расходятся со словами Шихова, который в предисловии к сборнику 1807 г. пишет, что пенсия отцу Волковой прекратилась с его смертью.

ОБ АКАДЕМИКЕ И ПИСАТЕЛЕ

Сего 1834 года Мая 26 в субботу г. Президент Российской Академии, знаменитый Шишков читал нам «Сравнение или толкование» рукописное, о том, что такое Академик и Писатель?¹ — Толкование сие, мне и другим, показалось не очень толково. — Член М. А. Лобанов² голословно на оное возражал, и я с ним согласен. Шишков думает, что может быть хороший Академик и худой Писатель. Также и наоборот³. Бесспорно, если кто попал в Академики по избранию сговорившихся приятелей или настойчивых на свое мнение Начальников⁴, но хороший писатель безусловно должен быть и хороший Академик, то есть обучившийся правил по науке мыслить и выражать свои думы красивым слогом. Шишков уверяет, что покойник Тредьяковский хороший Академик, но весьма дурной писатель⁵. В ответ на сей вопрос сказать можно, что Тредьяковский, лишенный природного дара, только что Педант; и следственно Писателем его назвать нельзя. Также следственно и то, что если писатель с дарованием знает свой язык, то он вместе Писатель и Академик. Мне кажется, что сии два совокупные качества раздробить мудрено. Кроме того, что одно-то есть дарование природное, а другое приобретенное, или искусственное; но по правилу Горация, оба должны быть в одном лице совокупны⁶.

- 1 Статья «О разности между Академиком и Писателем» напечатана в «Кратких записках, содержащих в себе разные примечания и суждения о языке и словесности, издаваемых от Российской Императорской академии» (Кн. 2. 1835. С. 1—11).
- 2 Лобанов Михаил Астафьевич (1787—1846) — писатель и поэт, член Российской академии с 1828 г.
- 3 Шишков решительно разводит эти два рода деятельности: «Под словом Академик разумею я человека долговременно вникавшего в состав языка, почерпавшего знание в нем из самых первоначальных его источников, и не столько упражнявшегося в сочинениях, сколько вникавшего в настоящее значение, разум и силу слов. Под именем же Писателя разумею человека более изострившего разум свой упражнениями в сочинениях, нежели ум свой сведениями в языке» (С. 1). Эта статья укладывается в контекст мыслей Шихова о предписывающих и кодифицирующих функциях академии: «Если Академия есть страж языка <...>, то и надлежит ей со всевозможною <...> ревностью вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, темного, не нравственного в языке» (Доклад Александру I о проекте нового устава академии. — Цит. по: Краткие записки... Кн. 3. С. V).
- 4 Вероятно, язвительная фраза Хвостова относится к самому президенту, по протекции которого в академию попало много людей, далеких и от языка, и от словесности.
- 5 Считаю Тредиаковского плохим поэтом, Шишков тем не менее признавал ценность того, что он сделал в области теории языка, стихосложения. Для Хвостова, который здесь присоединялся к мнению писателей карамзинской ориентации, отсутствие вкуса автоматически выводит Тредиаковского из числа писателей (т.е. тех, кто *пишет*: прозу или стихи, в данном случае неважно). Подробнее см.: *Альтшуллер М.* Предтечи славянофильства в русской литературе. Ардис, Анн Арбор. 1984. С. 308—331.
- 6 В прозаическом переводе самого Хвостова эта мысль из «Науки поэзии» Горация выглядит так: «Спрашивают, природный ли дар или наука производит стихотворения, достойные похвалы? <...> я не вижу, что могло бы сделать учение без плодотворных дарований, или одни дарования без помощи искусства. Здесь одно имеет

нужду в другом и соединено между собою неразрывным союзом» (Наука Стихотворства... соч. г. Буало-Депрео. Издание второе, с приложением Горациева к Пизонам послания... СПб., 1813. С. 45, 47).

О ЖУРНАЛЕ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Я читаю Журнал Мин<истерства> Нар<одного> Просвещения за сей год. Журнал очень хорош; много статей полезных и достопамятных. Хвала редактору Константину Степановичу Сербиновичу¹ — честь и слава Министру Нар<одного> Пр<освещения>. Но я уже сказал стихами:

Судить, рядить писателей под масть
И на вески умы Европы класть,
Подумайте, мое ли это дело?²

Итак, оставляя похвалы, займуся мелочными замечаниями. В 5-й книжке в прекрасном суждении о Малороссийских песнях г. Гоголя: «Они — надгробный памятник *былого*, более нежели надгробный памятник»³. Я замечаю слова *былого*. Былое, было — от слова *быль* — есть выражение романтическое. Я сам в свидании прошлого года с знаменитым нашим сказочником Дмитриевым, при описании старика, говорю:

Он жив, он царь воспоминаний
И чувством *бывшего* богат⁴.

Не знаю, для чего *былой* лучше *бывшего*? Мое выражение яснее и правильнее, не подумайте, что мера стиха принудила сказать «бывшего» вместо «былого» — нет, это сделано по доброй воле автора. Вот вам стих с употреблением слова *былого*:

Он жив, он царь воспоминаний
Былого чувствами богат.

- 1 Сербинович К. С. (1797—1874) с 1833 по 1856 г. редактировал «Журнал министерства народного просвещения».
- 2 Отрывок из стихотворения «Сочинителю сказки о царе Берендее <В. А. Жуковскому> 1833 года марта 10 дня» (7, 117).
- 3 Цитата из статьи Н. В. Гоголя «О малороссийских песнях» (№ 4 <не 5>. С. 17).
- 4 Имеются в виду стихи «Свидание с Иваном Ивановичем Дмитриевым в С. Петербурге, 1833 года июня 9 дня» (7, 125).

О ЗАВЕЩАНИИ ЛЕЙБ-МЕДИКА БЕКА

Бек¹, как все знают, был оракул Императора Павла I и его двора. Сей надменный врач приобрел дачу; несколько десятин земли к Ораниенбауму по большой дороге на берегу морском и завещал там свое тело в богатой гробнице непогребенным поставить на высокой насыпи, где оно поныне (1834 год) хранится. Все проходящие мимо творят оному поклонение и снимают шапки. Сия воля кичливого врача исполнилась, но другая в том же завещании изъясненная осталась втуне, чтобы поместья или мызы высокопарного Ивана Филипповича наследникам не продавать. Но увы! неподалеку от пышной гробницы прибита на столбе <доска> «сия деревня продается». Баронетт Вилье² рассказывал сей анекдот и просил И. А. Крылова сочинить из сего басню. Мне кажется, что это содержание не для басни, а для сказки, которую при досуге попытаюсь обделать³.

- 1 Бек Иван Филиппович (1735—1811) — с 1796 г. штаб-медик Павла I и действительный статский советник.

- 2 Виллие (Вилье) Яков Васильевич (1765—1854) — доктор медицины, лейб-медик Александра I, президент Медико-хирургической Академии, действительный статский советник.
- 3 Обращение Хвостова к басне носило программный характер. Оставаясь последователем теории Буало, он по-своему понимал задачи басни и ее жанровую природу, отрицательно оценивал опыты Крылова и Дмитриева, которых считал своими удачливыми соперниками. Упоминание о Крылове здесь очень значимо: Хвостов отстаивает свое место. Разницу между басней (в его терминологии — притчей) и сказкой он формулировал так: «В притче повествуется действие бессловесных тварей, а сказка описывает происшествия людей. <...> Она говорит: человек сильной и злой; а притча просто скажет: волк» (Хвостов Д. И. Послания в стихах. СПб., 1814. С. 129—130). Задуманное сочинение неизвестно.

СЛОВЦО ГРЕБЕНКИНА

Евгений Павлович Гребенкин¹ отзывается, что отличительное свойство Графа Хвостова, как Поэта, есть любовь, совокупленная с глубоким чувством сего качества, и опирается на стихах Певца Кубры:

Еще теперь я сердцем жив
И ближних радостью счастлив².

- 1 Гребенкин (Гребенка) Е. П. (1812—1848) — прозаик и поэт; в Петербурге жил с начала 1834 г.
- 2 Цитата из стихотворения «Марье Петровне Охлестышевой. 1825 года» (7, 85). Кубра — река, протекавшая в имении Хвостова Выползова Слободка Переславльского уезда Владимирской губернии; в его поэтическом мире она была одновременно и символом родины, и Кастальским ключом — источником вдохновения.

О ВОЗРАЖЕНИИ РУССОВА НА СКАНДИНАВСКИЕ САГИ

Я по выходе из печати сего Июня 20 читал первый с большим удовольствием книгу Степана Васильевича Руссо «Возражение на Скандинавские Саги»¹. — Спасибо почтенному старику! Я слушал со вниманием, а Руссо сам читал. Книга сия, по справедливости, должна сочинителю своему принести большую честь и сделать большой шум. Все доводы ясны; основаны на доказательствах неоспоримых, изложены прекрасно; критика благородная. Язык чистый, правильный, и хотя книжный, но без педантства, слог не тяжел, а легок. Я думаю, что Сеньковский, поместивший в Библиотеке для Чтения под своим именем Скандинавские саги, прочитав возражение, усовестится и не будет впредь свою прозу наполнять подобною нелепицею. Это не фантазия; где дело об Истории, особливо Истории знаменитого народа, тут не у места замысловатые выводы или предположения об <истине>, доводами неподкрепляемые.

- 1 Руссов Степан Васильевич (1768/1770?—1842) — историк, писатель, знакомый Хвостова; помогал ему собирать материалы для словаря о русских писателях; с 1835 г. член Российской академии. Труд Руссова «О Сагах в отношении к Русской Истории, или вообще к Древней Руси» (СПб., 1834), написанный в излюбленном им жанре «возражения», был полемическим ответом на статью Осипа Ивановича Сенковского (1800—1858) «Скандинавские Саги» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. III. С. 1—77). Пафос этого выступления состоял в дискредитации исторического метода Карамзина; насмешки и бездоказательные обвинения в адрес историографа прозвучали особенно резко на фоне уже устоявшейся «классичности» «Истории Государства Российского» и образа самого Карамзина. Защищая память и труды историографа, Руссов обстоятельно разобрал статью (в конце книги помещены именной указатель и «реестр алфавитический» терминов и спорных вопросов) и переадресовал Сенковскому обвинения, которые тот предъявлял Карамзину.

МИМОТЕКУЩЕЕ О БРАМБЕУСЕ

Князь Петр Андреевич Вяземский много печатал во 2-м сего года Новосельи стихов своих, кои окритикованы были Бароном Брамбеусом в Библиотеке для Чтения¹. Оскорбленный Автор послал возражение свое к Смирдину для напечатания, но Библиотека не передала тиснению сего достопамятного листочка. Князь Вяземский чрез посредство Сев<ерной> Пчелы объявляет сего 1834 года Июля 11 дня, что он более не участвует в издании Журнала Смирдина, и просит имени его на заглавных при оном листках более не ставить².

- 1 В рецензии Сенковского на «Новоселье» (БдЧ. 1834. Т. 3. Отд. V. С. 42) о Вяземском, поместившем в сборнике пять стихотворений, говорилось как об одной из «многих второстепенных знаменитостей Русского Парнасса».
- 2 Неточность: в номере от 10 июля (С. 609). В августе имя Вяземского исчезает с обертки журнала.

БАТЮШКОВ О БОГДАНОВИЧЕ

<...> г. Батюшков <...> под статью «Нечто о поэте и поэзии» <...> в примечаниях говорит о творце «Душеньки»: «Богданович жил в совершенном уединении. У него были два товарища, достойные добродушного Лафонтена: кот и петух. Об них он говорил, как о друзьях своих, рассказывал чудеса, беспокоился об их здоровье и долго оплакивал их кончину».

Когда это было? Разве в последние годы Ипполита Федоровича. Я его знал в С<анкт>-Петербурге более 20 лет сряду¹. Он был светской человек, любил слышать себе похвалы и искать знакомства с людьми знатными и хорошего тона². Он был в восхищении, когда Екатерина II, дозволяя ему быть в Эрмитаже, приветствовала после его оперетки, коей содержание почерпнул автор из своей «Душеньки»³. Амур дарит Душеньку розою, она отвечает: «Сам приколи». Это место нравилось Императрице. Сверх того Богданович очень часто ездил к Княгине Дашковой, к Графу Строганову, Ивану Перфильевичу Елагину, к Министру Финансов Графу Васильеву, сенатору Ржевскому, Державину и <в> многие другие знатные дома⁴, где проводил целые дни, был весел, любезничал с дамами и с ними играл в вист или бостон. По моему мнению, Богданович в столице вел жизнь рассеянную, а не уединенную.

- 1 И. Ф. Богданович (1743/44—1803) жил в Петербурге с 1769 г., Хвостов — с 1783.
- 2 Статья «Нечто о поэте и поэзии» (1815) посвящена ключевому для творчества К. Н. Батюшкова вопросу: как соотносятся образ жизни поэта и его поэзия. Батюшков смотрел на биографии «некоторых стихотворцев <в том числе и Богдановича>, которых имена столь любезны сердцу нашему», с точки зрения своего идеала («живи, как пишешь, и пиши, как живешь»), и реальная биография Богдановича заменялась легендарной. Идеализированный образ поэта был намечен еще Карамзиным, лично его не знавшим: «Он жил <...> в тихом уединенном домике <...>, имел приятные знакомства; любил иногда выезжать, но еще более возвращаться домой, где муза ожидала его» (*Карамзин Н. М. Избранные сочинения* в 2-х тт. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 204). Эти же мотивы присутствуют в послании Е. А. Баратынского «Богдановичу» (1824). Впечатление Хвостова, который хорошо помнил Богдановича, совпадает с отзывом И. И. Дмитриева: «Всегда по вечерам в концерте или на бале в знатном доме <...> он не любил не только докучать, даже и напоминать о стихах своих: но в тайне сердца всегда чувствовал свою цену и был довольно щекотлив к малейшим замечаниям на счет произведений пера его» (*Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь*. М., 1866. С. 58). Поэма Богдановича «Душенька» — переложение романа Ж. де Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» (1669); образ французского поэта с легкостью проецировался современниками на Богдановича.
- 3 В апреле 1786 г. по именному указу Богданович написал лирическую комедию «Радость Душеньки», поставленную 12 октября того же года; она долго держалась в репертуаре.

- 4 Дашкова Екатерина Романовна (1744—1810) — директор Петербургской Академии наук и президент Российской академии (1783—1796); Строганов Александр Сергеевич (1733—1811) — президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки (с 1789); Елагин И. П. (1725—1794) — писатель, директор придворного театра (1776—1779), член Российской академии (с 1783); Васильев Алексей Иванович (1742—1807) — министр финансов в 1802—1807 гг.; Ржевский Алексей Андреевич (1737—1804) — поэт; писатель, сенатор, вице-директор Академии наук, дважды издавал поэму «Душенька» (в 1783 и 1794 гг.).

О СИМБИРСКОМ ЖУРНАЛЕ: «ЗНАЙ НАШИХ»

Симбирской Губернской Предводитель Дворянства Статской советник кавалер Князь Баратаев¹ сказывал мне вчера 11 Сентября, что Императрица² изволила ему сказать: «Симбирск богат поэтами: Державин, Карамзин, Дмитриев, Языков и Граф Хвостов», — и что она желала, чтобы собственно Симбирские Музы³ издали альманах или книжку своих произведений и прибыль от сего издания обратили бы в пользу бедных.

Я отвечал Предводителю, что я с охотою, если что случится, стихов или прозы пришлю, хотя я не помещик Симбирской, а правлю тамошним имением, доставшимся по приданству супруги моей урожденной княжны Горчаковой, Аграфены Ивановны⁴. Село Талызино не мое, а моей графини, и так г. Предводитель может обратиться к ней с требованием стихов и прозы.

Ему же обещали: Блудов нечто из Карамзина⁵, еще именитый Пушкин, Иван Иванович Дмитриев и другие.

- 1 Баратаев Михаил Петрович (1784—1856) в 1820—1835 гг. был симбирским губернским предводителем дворянства.
- 2 Александра Федоровна (1798—1860) — Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина, с 1817 г. супруга великого князя Николая Павловича.
- 3 Державин родился в Казани, Карамзин — в с. Михайловка Бузулукского уезда Симбирской губернии, И. И. Дмитриев — в с. Богородском (близ Сызрани) Казанской (впоследствии Симбирской) губернии, Николай Михайлович Языков — в Симбирске.
- 4 Симбирское имение А. И. Хвостовой (1768—1843) находилось в Ардатовском уезде.
- 5 Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) входил в близкое окружение Карамзина, принимал участие в подготовке к печати 12-го тома «Истории Государства Российского» и сам занимался историей.

МАЛОИЗВЕСТНОЕ О ПАМЯТНИКЕ АЛЕКСАНДРУ I

Надпись на памятнике, воздвигнутом и открытом 1834 года Августа 30 дня, гласит: «Благодарная Россия Александру I». Надобно знать, что в 1825 году в исходе Декабря месяца, при самом восшествии на престол Императора Николая I, покойный Сенатор Дмитрий Сергеевич Ланской¹ подал мнение о воздвижении памятника Императору Александру от лица России <зачеркнуто: *Сената*> и испрошении на то Высочайшей воли. Все присутствующие, не менее 25 человек, ни сие согласились, кроме, вскоре потом умершего, Егора Андреевича Кушелева², который думал и написал: «предоставить воле Царя». Мнение Ланского, утвержденное согласием всего Сената, подано чрез тогдашнего Министра Юстиции Князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского³ Государю на утверждение. Чрез неделю потом доклад о сем предмете Правительствующего Сената был возвращен, при Высочайшем *подписном* указе следующего содержания, что Император не полагает приличным в сие дело вмешиваться Сенату, «что Он предоставляет себе воздвигнуть родному брату памятник, и что помянутое требование не

входит в ограниченный круг действий Правительствующего Сената». Через месяц или два после сего Указа Дмитрий Сергеевич Ланской по прошению уволен был от службы и скончался прошлого 1833 года в чужих краях.

- 1 Ланской Д. С. — московский губернатор (1807—1810), сенатор (с 1811 г.); управляющий департаментом государственных имуществ (1814—1829), член Государственного совета.
- 2 Кушелев Е. А. (1763—1826) — сенатор с 1820 г.
- 3 Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838) в 1817—1827 гг. был министром юстиции.

*

По случаю получения Указа о Дворянских выборах¹ в одной Губернии было глубокое рассуждение, спор и сомнения. Один остряк для прекращения разногласия между многочисленным обществом сказал: «Указ ясен; он делит помещиков на три разряда: на *великодушных*, *малодушных* и *бездушных*. Каждый себя знает. Великодушен ли он, малодушен ли, или совершенно бездушен». Остряк прав. Следовало только к речению «души» присовокупить, вместо прилагательного, слово число; и выйдет, не относя к переносному смыслу о качествах человека, заключение числительное, т.е. у Имрек большое или малое число душ, а бобыль выходит совсем бездушный, а не бездушник, т.е. не имеющий за собою по крепостям ни одной души, и потому выбирать других могут только великодушные, избираемы быть малодушные, а присутствовать в собраниях без голоса не запрещено и бездушным.

- 1 Имеется в виду манифест 6 декабря 1831 г. «О порядке Дворянских собраний, выборов и службы по оным»; по нему выборным правом голоса пользовались только дворяне, имевшие в губернии 100 душ крестьян и 3000 десятин земли, которая к моменту выборов находилась в их владении не менее 10 лет.

ОТЗЫВ ЖУРНАЛИСТА

Один известный журналист отзывался про другого, что он похож на старого Цыгана, который в хоре не поет и не пляшет, а только плечами подергивает.

Предисловие, публикация и комментарии Е. Э. Ляминой